

Глава седьмая: Виэн (часть 7)

В тот вечер он бежал сломя голову.

Свернувшись калачом под холодным одеялом, он провёл ночь без сна и покоя — сны смешались с явью, а прошлая и нынешняя жизни сплелись воедино, отчего у него кружилась голова и подступала тошнота. Ему казалось, будто он идет по стеклянному мосту на десятикилометровой высоте, и вдруг опора под ногами разлетается вдребезги, а всё его хладнокровие и показное спокойствие превращаются в падающие осколки.

Больше не приближайся к нему, — повторял себе Виэн.

Однако в памяти то и дело всплывали обрывки прошлого. Его улыбка, его слёзы, его мягкие губы, его изящные пальцы, его голос, его запах, его дыхание, его всё участвовавшее сердцебиение, его крепнущие объятия... Всё это растворялось в безграничном сиянии безмятежных и нежных янтарных глаз, что смотрели на него вчерашней прохладной ночью.

С трудом дожив до утра и чувствуя себя совершенно потерянным между сном и реальностью, он потащил тело в прачечную. Там он увидел служанку Анселя, которая несла в руках таз с бельём, и прямо поверх остальных вещей лежало его пальто.

— Могу я забрать свою одежду? — Виэн подошёл ближе. — Если её постирают, мне сегодня нечего будет надеть.

Он отогнул воротник пальто: на нём было вышито имя Виэна. Служанка, судя по всему, была не против помочь красивому и вежливому лакею, поэтому легко позволила ему забрать вещь.

Прижав одежду к груди, Виэн ушёл в пустой угол коридора и медленно поднёс пальто к самому носу.

То ли сказывалось самовнушение, то ли нет, но ему казалось, что на ткани до сих пор сохранился запах Анселя — тот самый прохладный и в то же время очень мягкий аромат. Он жадно втянул воздух, а затем уткнулся лицом в пальто, точно так же, как бесчисленное число раз зарывался в подушку Анселя после его пробуждения. Этот запах дарил ему глубокое успокоение. С самого перерождения он чувствовал себя оторванным от нити воздушным змеем, что бесцельно парит в пустоте, и лишь теперь чья-то рука наконец поймала его, не позволяя бродяжничать дальше.

— Доброе утро, Виэн. — Ансель опирался на трость обеими руками, а его длинные волосы были полностью спрятаны под шляпой. Похоже, он не заметил вороватого поведения Виэна и произнёс эти слова мягко и неторопливо: — Не хочешь прогуляться вместе?

Виэн внезапно оказался со всех сторон окутан подлинным ароматом Анселя и растерялся. Посмотрев на Анселя, который гладил лошадь по шее, он даже заподозрил, что тот сделал это

нарочно.

Ансель внезапно спросил ни с того ни с сего:

— Ты умеешь ездить верхом?

Визн умел, но то, через что ему пришлось пройти к этому моменту, не предполагало таких навыков, поэтому он покачал головой. Ансель с улыбкой наклонился и протянул ему руку:

— Если научишься до следующего месяца и предстоящей охоты, я возьму тебя с собой.

Визн ухватился за его руку и, приложив немного усилий, взмахнул в седло, устроившись перед ним боком, словно благородная девица.

— Сядь как следует, повернись лицом вперёд. — В голосе Анселя звучала улыбка, и он легко подтолкнул Визна за плечо.

Визн и сам чувствовал себя нелепо, поэтому поспешно перекинул ногу на другую сторону и сел прямо, лицом вперёд. Не успел он и рта открыть, как руки Анселя обомкнули его талию сзади и протянули поводья. Это движение выглядело так, будто Ансель обнимал его со спины.

Поскольку у Визна не было подходящей одежды, Олли быстро раздобыл для него ветровку и шляпу Анселя.

Ансель подробно всё ему объяснил, но Визн вовсе не слушал. Вместо этого он оборачивался и завороченно смотрел на улыбающееся лицо, задевающее его ухо.

Ансель на мгновение умолк, а затем спросил:

— А как ты думал, почему я зову тебя?

Визн уголком рта улыбнулся, положив руку на бок лошади и запрокинув голову. Из воротника виднелись прямые ключицы, а прекрасные зелёные глаза пристально смотрели на Анселя. Низкий и бархатистый голос Визна звучал с лёгким, вызывающим оттенком легкомыслия:

— Потому что я красив.

Спокойный взгляд Анселя скользнул по его лицу, ключицам, груди, талии, ногам, после чего он кивнул и произнёс с абсолютно серьёзным видом:

— Ты и впрямь красив.

У стопы его что-то легко задело, Визн опустил взгляд от одежды вниз — это была Жемчужинка.

Виэн почувствовал, что его дыхание стало совсем слабым, готовым рассеяться по ветру. Он не сводил глаз с губ Анселя, ожидая, пока они разомкнутся.

— Потому что ты красив.

Зрачки Виэна резко сузились.

Ансель, казалось, больше не мог сдерживаться и тихо рассмеялся ему прямо в ухо. В этом смехе не было зла — он звучал как шутка между друзьями, однако сквозила в нём и доля насмешки, от которой сердце Виэна упало на дно.

Он вспомнил: двадцатилетний Ансель был далек от своей будущей степенности. В нём ещё жила мальчишеская задорность, толика высокомерия и острой дерзости, а грани характера ещё не стёрлись о ту самую любовь и предательство, о которых он говорил.

На что он вообще надеялся? Какие такие достоинства могли заставить этого изнеженного любовью и лишённого её понимания природного аристократа склонить свою гордую голову и вновь пасть к его ногам со словами любви?

Если бы в прошлой жизни он сам раз за разом не цеплялся за него, не соблазнял, не спасал ценой собственной жизни и не отдавался добровольно, стал бы Ансель, привыкший к роскоши и великолепию пресыщенного мира, тратить свой взгляд на его нищенскую, истрёпанную душу? В конце концов он даже перестал понимать, когда именно нежность Анселя стала порождением любви, а не хорошего воспитания, проявлением искреннего обожания, а не просто вожделения.

Это он сам принимал всё как должное, слишком привыкнув к тому, что в более зрелые годы Ансель обращался к нему с предельной осторожностью и торжественностью, будто каждая фраза была обещанием и авансом будущей любви.

— Аристократы.

Голос Виэна слегка охрип, и он тоже тихо рассмеялся — смеялся красиво, и в сероватом утреннем свете это казалось единственным ярким пятном.

Вот только в процессе смеха из глаз вдруг сорвалась хрустальная слеза. Подобно капле росы, она упала на воротник, и Анселю показалось, что эта капля угодила прямо ему на кожу, обжёгши её до боли.

С того самого утра они не виделись уже несколько дней, словно оба намеренно избегали друг друга.

Виэн закупал припасы на рынке по списку, а ожидая своей очереди, доставал блокнот и делал

записи и зарисовки. Недавно он твёрдо решил приобрести словарь, и теперь постепенно учился распознавать всё больше и больше иероглифов.

Как же сильно он хотел стать лучше, чтобы иметь возможность на равных рассуждать о любви и нелюбви.

Вдруг кто-то сзади налетел на него. Не успел Виэн устоять на ногах, как кошелек у него в руках уже вырвали. Внутри лежали не только выделенные помещьем деньги, но и его собственные сбережения, припасенные на покупку ткани. Виэн поспешно оставил остальные покупки у знакомого торговца и бросился в погоню.

Грабитель, заметив его утончённую и красивую внешность, решил, что перед ним слабак, однако он никак не ожидал, что Виэн бежит быстрее него, да к тому же прекрасно ориентируется в лабиринтах переулков. Сделав всего пару поворотов, воришка не только не смог оторваться от преследователя, но и был сбит с ног точным ударом. От силы толчка он пропахал лицом землю, а едва попытавшись остановиться, получил мощный удар кулаком.

Виэн с самого перерождения носил в себе тяжёлый груз подавленных эмоций, и ему негде было выплеснуть накопившуюся злость, поэтому он бил жёстко. Тяжело дыша, он опустился на колени поверх воришки, вытащил из его кармана свой кошелек и уже собирался уходить, как вдруг заметил знакомую рыжину волос, выглядывающую из-под помятой шляпы.

У Виэна возникло нехорошее предчувствие. Он единым движением сорвал с грабителя шляпу и маску — и действительно, перед ним предвело то самое знакомое лицо, которое он мимолётом видел в прошлой жизни.

— Браун?

Браун сплюнул кровь, зажав разбитый рот руками. Услышав своё имя, он на секунду замер, а затем грубо рывкнул:

— Ты, мать твою, откуда меня знаешь?

Это действительно был он! Виэн схватил его за воротник, его лицо исказилось от гнева, и он тоже выругался:

— Ты почему вместо школы околачиваешься здесь и грабишь людей! — Не успел он договорить, как еще один тяжёлый удар пришёлся по лицу непутёвого паренька, и из носа тут же брызнула кровь.

Тётушка Лайру обманула его! Она вовсе не уладила это дело! Иначе этот проклятый сорванец сейчас должен был прилежно учиться в школе! Судя по всему, он уже давным-давно промышлял на улицах грабежами!

Виэн покраснел от гнева — неприятности сыпались одна за другой, всё вокруг превратилось в сплошной хаос!

Он хотел было ударить его снова, но услышал позади приближающиеся шаги. Настороженно обернувшись, он увидел, как несколько мужчин с замотанными лицами медленно округляют кольцо.

Виэн нахмурился и поднялся с земли, заметив, что все выходы из переулка перекрыты. Значит, действовала целая шайка. Виэн с досадой цыкнул, быстро вернул себе хладнокровие и, помрачнев, напряг каждую мышцу, готовясь к бою в любой момент.

— Ого, да тут красotka, — раздался похотливый смешок главаря.

Эти люди не обременяли себя соображениями морали или стыда. Видя перед собой такую красоту, они заметно возбуждились.

На губах Виэна мелькнула холодная улыбка. Его изумрудные глаза неотрывно следили за ними, напоминая ядовитую змею перед броском. Главарь, потеряв бдительность из-за его внешности, подошёл вплотную и протянул руку, намереваясь приподнять его подбородок.

— Хрусь.

Младшие подельники еще хихикали, когда увидели, как черноглазый и зеленоглазый красавец резко подпрыгнул и нанёс сокрушительный удар ногой в висок главарю. Раздался зловещий хруп костей, и прежде чем остальные успели сообразить, что произошло, главарь от силы вращательного движения тела Виэна отлетел далеко в сторону.

Упав на землю, он выплюнул несколько зубов, залился кровью и потерял сознание.

Выражение лица Виэна не изменилось — казалось, ничего особенного не произошло. Лишь прядь волос от резкого движения упала на лоб, а на белых брюках и кожаных туфлях остались пятна крови. Он стоял так расслабленно, будто только что сладко потянулся.

Виэн никогда не был мягким человеком. Если нищета способна испортить человека, то он достиг самого дна ещё в прошлой жизни. Он никогда не боялся драк и уличных потасовок — напротив, он всегда стремился побеждать. Родись эти бандиты чуть раньше, они непременно слышали бы его имя на улицах.

Обладать прекраснейшим лицом и драться свирепее всех.

Оставшиеся четверо бросились на него толпой. Виэн не испугался — четверо против одного только разожгли в нём азарт. Каждый удар приходился точно в цель, и он выплескивал всю накопившуюся в этой и прошлой жизнях обиду. В отличие от других, кто во время драки

обычно орал во всё горло, Виэн закусил губу до крови, не издавая ни звука.

В разгар этой бойни никто не заметил, как отброшенный на задний план Браун, решив помочь своему главарю, сорвал со стены старую тяжёлую вывеску и с криком бросился вперёд.

Виэн в страшном сне не мог представить, что подросток, который в прошлой жизни плакал за спиной тётушки Лайру, принимая его кошелек и без конца повторяя спасибо, братец, сейчас ударит его сзади тяжёлой вывеской прямо по затылку.

В воздух полетели щепки.

В одно мгновение все звуки и образы отдалились, зрение затуманилось от крови. Виэн судорожно вдохнул, резко развернулся, но уже не смог разглядеть лицо Брауна.

Оглушённый, он рухнул на землю, а со всех сторон на него посыпались удары кулаков и ног — болело абсолютно всё. Единственное, что он мог сделать — мёртвой хваткой вцепиться в того, кто навалился на него сверху, запустив пальцы глубоко в плоть, и впиться зубами в шею противника, не разжимая челюстей, что бы ни случилось.

Вдруг раздался выстрел, заглушивший всё вокруг, а затем в ушах зазвенело от оглушительного звона.

Из переулка выбежали вооруженные охранники и быстро взяли всех под контроль. Заминка вышла только с Виэном: его никак не могли оттащить, поскольку он наотрез отказывался разжать зубы, намертво вцепившись в противника.

К ним подошёл мужчина с рыжими волосами в чёрной военной форме, присел на корточки и в перчатке ухватил его за подбородок, холодно бросив:

— Разомкни зубы.

Виэн сквозь багровую пелену уставился на него, словно ничего не слыша.

Уильям потерял терпение и грубо вывихнул ему челюсть. Виэн издал приглушённый стон, и из глаз брызнули слёзы.

Когда бандита с растерзанной шеей наконец оттащили, Уильям вставил Виэну челюсть на место и произнёс с легкомысленной усмешкой:

— Какая свирепая дикая кошечка.

Кровь текла со лба Виэна прямо в рот. С трудом узнав стоявшего перед ним человека, он тяжело дышал, словно выброшенная на берег рыба, но при этом смотрел с невероятным

упорством:

— Я не... дикая кошка, у меня есть хозяин...

Уильям усмехнулся, приподнял его лицо и, приблизившись, с искренним интересом спросил:

— И кто же твой хозяин?

В глазах Виэна промелькнуло замешательство. Сквозь затуманенный мозг пронеслись десятки имён — с ним вечно обращались так, словно он не человек, а какое-то животное, постоянно ставя под удар его гордость.

Но он вспомнил лишь одного. Того, кто лежал в его объятиях, целуя его пальцы, с горячей кожей.

— Я не твой хозяин, я твой пленник, — говорил он тогда.

— Мм? Так кто же твой хозяин? — Уильям похлопал его по щеке. На мгновение в глазах Виэна прояснилось, но их тут же снова затопила багровая пелена.

Виэн разлепил губы, и его голос прозвучал хрипло:

— Ансель.

Произнес он это тихо.

<http://bllate.org/book/24921/2948977>